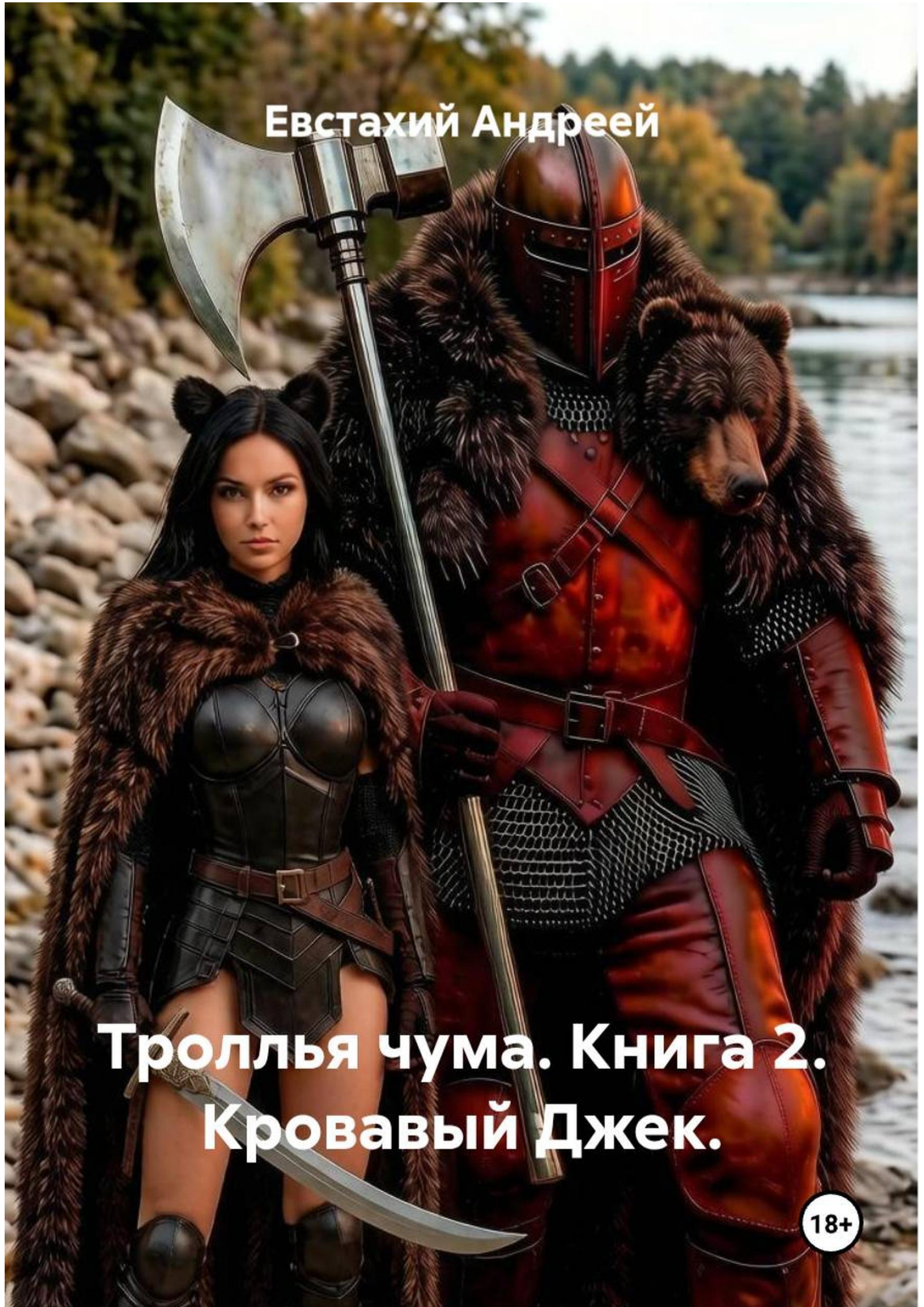

Евстахий Андреев

**Тролля чума. Книга 2.
Кровавый Джек.**

18+

Евстахий Андреей

Тролля чума. Книга
2. Кровавый Джек.

«Автор»

2026

Андреей Е.

Тролля чума. Книга 2. Кровавый Джек. / Е. Андреей —
«Автор», 2026

Грид по прозвищу Тролля Чума не любит, когда его выручает случай. Значит, пора учиться тому, чего он не умел: сперва магии, а следом и некротике, о которой в гильдии говорят шёпотом. А в Ревгаре появляется молодой эльф с открытой улыбкой и слишком большим интересом к чужим легендам. Он вежлив, щедр и знает о прошлом героя больше, чем говорит. Тем временем кто-то платит наёмникам, чтобы ударить не в бою, а в самое больное, и чем дальше, тем яснее: тот, кто начал эту охоту, умеет ждать. Гильдия, тракты, подземелья, старые долги — и враг, которому некуда спешить.

© Андреей Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Новый король преступного мира. Новый отряд Ревгара	9
Глава 2. Теперь учитель.	18
Глава 3. Снова в деле.	24
Глава 4. Зиккурат.	31
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Евстахий Андреей
Тролля чума. Книга 2. Кровавый Джек.
"Тролля чума". Книга 2. Кровавый Джек

Пролог

Грид сидел на причале, свесив ноги к воде, и смотрел на поплавок. Красная бусина подрагивала, чертила по чёрной воде тонкие круги, и он не трогал удилище — пусть дрожит, у воды свои сроки и свой порядок, не ему их торопить.

Две недели как за ним закрылись двери больницы. Мир с тех пор стоял подозрительно тихий: ни крика, ни зова карточки, ни топота чужой беды. Дирк — «Стальной Бык», глава гильдии, человек, который слова тратит, как серебро, — сказал коротко: месяц отпуска. Не просьба, приказ, и не тот, что обсуждают. Грид не спорил. Топор он вычистил, смазал и повесил на стену; Черепокол умел ждать не хуже хозяина.

Лесной тигр Ёкс лежал рядом на тёплых досках, уронив морду на лапы, и сквозь прищур следил за водой. У камышей качнулась ряска — не рыба, кто-то тяжелее.

Доски причала скрипнули за спиной — легко, вкрадчиво, как ходит тот, кто привык не пугать дичь. Грид узнал шаги раньше, чем обернулся.

— Не клюёт? — Гвен остановилась у самого его плеча, чёрный хвост ходил из стороны в сторону и выдавал то, что лицо держало спокойно.

Грид подвинулся, освобождая доски.

— Присядь. Поболтаем.

Она села рядом, поджав под себя ноги, и какое-то время оба молчали — так, как молчат люди, которым молчание не в тягость. Ёкс приоткрыл глаз, посмотрел на неё и снова уронил морду на лапы: своих не тревожат.

— Дирк отправил меня в отпуск, — сказал Грид. — На месяц.

— И что ты будешь делать целый месяц?

— Я хочу стать сильнее, — сказал он.

Гвен широко раскрыла глаза.

— Куда ещё-то?

Грид усмехнулся, повёл плечами — под рубахой пошло, потянулось, как канаты под натягом. Старая привычка красоваться перед теми, кто не боится; в тридцать лет от неё уже не избавиться. Потом лицо у него снова стало прежним, тяжёлым.

— Нет предела совершенству, — сказал он. — А если серьёзно — в прошлом бою меня спас случай. Просто случай, Гвен. Не я.

Хвост у неё замер, и на этот раз она не стала смеяться. Озеро тронуло ветром, поплавок поволокло вбок, и Грид не потянулся к удилищу.

— И что ты намерен делать?

— Учиться, — он смотрел на воду. — Тому, чего раньше не умел.

— Расширю познания в магии. И тебе, полагаю, стоит пройти базовый курс.

Гвен повернула к нему уши раньше, чем голову.

— Что?

— В гильдии магов. За плату там учат и тех, у кого дара нет. — Он пожал плечами, будто речь шла о новой удочке. — Я оплачу.

Она молчала дольше, чем требовал вопрос. В её деревне так не делали: за учёбу платили кровью и потом.

— Я и так у тебя в долгу, — сказала она наконец. — Ты хочешь повесить сверху ещё и это?

— Долги не в монетах, — Грид смотрел на воду, где поплавок снова выписывал круги. — Мне не нужно, чтобы ты отдавала. Мне нужно, чтобы в следующий раз ты не стояла в стороне, когда из кустов полезет что-то крупнее тебя.

Гвен поднялась, отряхнула штаны и кивнула — коротко, по-мужски, как учил её лес.

— Ладно, — сказала Гвен. — С завтра и начнём.

Грид смотал удилице, потрепал Ёкса за ухом — тот дёрнул хвостом и зевнул так, что хрустнула челюсть. Отпуск отпуском, но с гильдией магов не тянут: сегодня поговорил — завтра учишься, завтра замешкался — через месяц стоишь в той же точке.

Дорога до города шла вдоль стены, по тёплой от солнца пыли. У ворот ему кивнули, как кивают своим; стража Ревгара привыкла видеть его силуэт в проёме и не задерживать.

Гильдия магов пахла воском, старым пергаментом и чужим раздражением. За стойкой сидела Рита, худошавая, с вечным пером в руке, и при виде гостя подобралась.

— Мне нужен Тилдорф, — сказал Грид.

— Глава у себя, — Рита уже скрипела пером дальше, не глядя на него. — Проходи, тебя он всегда рад видеть.

Последнее она произнесла так, что радость эта звучала скорее как диагноз. Грид уточнять не стал.

На второй этаж вела узкая лестница, и каждая ступень отзывалась под его весом — в этой части гильдии всегда пахло спиртом, сушёной травой и чем-то жжёным: колдовство тишины не терпит. За приоткрытой дверью кто-то ворчал, спорил сам с собой и постукивал по столу.

— Дверь закрывают, когда хотят одиночества, — сказал Грид, входя.

— Дверь закрывают, когда хотят, чтобы в неё постучали, — отозвался Тилдорф «Алый», не поднимая головы от стола. Скверный характер этого эльфа был старше самого Ревгара, и Грид давно перестал принимать его на свой счёт.

— Извини, что отвлекаю, — сказал Грид с порога. — Хочу с тобой посоветоваться.

Тилдорф не ответил сразу. Он держал над горелкой колбу, и в колбе что-то ходило волнами, как живое; дождавшись, эльф убрал огонь, поставил стекло в подставку и только тогда обернулся.

— Ну что с тобой поделать, — проворчал он. — С чем пришёл?

Грид не стал ходить вокруг. С этим эльфом тропинки короткие.

— Того, что я умею, мне мало. — Он не искал красивых слов, да и незачем было. — Хочу настоящего колдовства. Не искру из пальцев — знание.

Тилдорф хмыкнул и вытер руки о полотенце медленно, будто выгадывая время на размышление.

— За такие просьбы, — сказал он, — обыкновенно просят скидку.

— Скидки не нужны, — ответил Грид. — Нужно твоё время и твоя наука.

— Мне ты не нужен, — сказал Тилдорф, и это прозвучало не обидой, а справкой. — Я колдовство копаю на другом слое: связи, тонкие материи, переходы. А тебя должен учить тот, кто будет вдальблывать тебе основы с пятого на десятое и не умрёт от скуки.

— И кто же? — спросил Грид.

— Лизель. — Эльф уже снова смотрел в колбу. — Вы с ней росли под одной крышей, она знает, где у тебя что укладывается. И нрава такого, что здоровяка твоего роста не испугается.

Грид не нашёл возражений. О Лизель он думал и сам, только вслух произносить не решался: сестра, дочь Дирка, с пяти лет в гильдии магов — перед ней не похващаешься и не отговоришься молчанием.

— Ступай, — Тилдорф махнул рукой в сторону двери, будто смахивал со стола крошку. — Дверь за собой прикрой.

— И ещё, — Грид придержал дверь. — Гвен.

Тилдорф поднял бровь ровно настолько, чтобы это можно было счесть вопросом.

— Та охотница, что со мной ходит. Кошколюдка. — Он сказал это ровно, как о деле, к которому нечего добавить. — Ей нужен базовый курс. Запиши и её, я плачу.

— Добро, — эльф не обернулся. — Оформи у Риты.

Грид спустился на первый этаж. Рита отложила перо, достала два листа, исписала их ровным почерком и назвала сумму — такую, что иному авантюристу пришлось бы пахать за неё полгода. Грид только кивнул: деньги у него водились, а тратить их на дело казалось честнее, чем на пыль в комнатах.

За базовый курс для Гвен она взялась с неожиданным удовольствием, будто и сама когда-то начинала с этого же.

— Лизель я передам, — сказала она. — Как только она вернётся из зала.

Кузнечный ряд в Ревгаре узнаётся по запаху: горелое железо, уголь, вода, в которой гасят клинки. Двери кузни Биора стояли распахнутыми, и от каждого удара молота с полки сыпалась окалина.

Хельга кивнула ему от второго горна, не отрываясь от работы. Сам Биор опустил молот и вытер лоб тыльной стороной руки.

— Грид.

Они не обнялись — сшиблись предплечьями, как сшибаются камни, и этого хватило.

— Как заказ? — спросил Грид. — Плащ.

— Плащ? — Кузнец на миг задумался, потом хлопнул себя по бедру. — Точно, пару дней как закончил. Я слышал, что ты ранен, и не стал беспокоить: чего зря человека с койки дёргать.

Грид ничего не ответил, и Биор, знавший его слишком давно, не стал дожидаться ответа: отставил молот к стене и пошёл в глубь кузни, где в тёмном углу стоял окованный сундук.

Из сундука кузнец вытащил свёрток — тяжёлый, как мешок с песком, — и развернул его на верстаке. Кузня словно разом стемнела: шкура медведя-девианта отливала чёрным с проседью, ворс лежал глубоко, а седые пряди в нём шли, как пепел по углям. Края были отделаны плотной чёрной тканью, стежок к стежку без единой ошибки.

Грид накинул плащ на плечи. Тот сел как влитой, будто его кроили не по медведю, а по нему самому. Биор обошёл его кругом, дёрнул за ворот, отступил и остался доволен.

— И ещё. — Он вернулся к сундуку и достал второй, поменьше. — Этот твоей подруге. Кошколюдке, что с тобой ходит.

Грид поднял на него глаза, но кузнец уже отвернулся — он никогда не спрашивал больше, чем ему говорили, и в Ревгаре это умели ценить.

— Спасибо, Биор, — сказал Грид. — Ты как всегда мастер.

Кузнец фыркнул, забрал со стены молот и вернулся к наковальне.

Плащ Грид оставил на плечах — к вечеру у воды потянет холодом, — а второй свернул и убрал в пространственный мешок, и тот принял шкуру так же равнодушно, как принимал когда-то тролли клыки и камни монстров.

Дела на сегодня были кончены: наука обещана, плащ получен, Гвен записана. Оставалось одно, и спорить с ним Грид не собирался.

Дорога от кузнечного ряда вела вдоль стены, а потом сворачивала вниз, к берегу. Солнце уже сидело на гребне горной гряды, и озеро под ним стало оловянным; пыль на дороге остывала, из труб тянуло ужином. У ворот его пропустили молча, как пропускают тех, кого знают в лицо.

На причале уже лежал Ёкс, вытянувшись во всю свою длину и подставив солнцу бок. Тигр приоткрыл глаз, зевнул и стукнул хвостом по доскам: дескать, знаю, почему ты так торопишься.

Грид размотал удилище. Вечерний клёв ждать не станет.

Глава 1. Новый король преступного мира. Новый отряд Ревгара

Джек шёл по Ревгару неспешно, как ходят по улице, где тебя никто не ждёт и никто не гонит. Солнце легло ему на лицо; ветер прошёл по волосам, тёплым, живым; из-под мостовой тянуло серой гнилью, и он принимал и это: тысячу лет у него не было кожи, чтобы чувствовать, и он знал цену любому чувству, хоть самому дурному.

Прежде в живых он видел три энергии, отдельные, как жилы в породе, и ничего больше. Теперь орал петух во дворе, телега скрипела на разные голоса, торговец за углом нахваливал рыбу, а над пекарней стоял дух горячего хлеба, и Джек приостановился, чтобы вдохнуть его дважды, как вдыхают дорогое вино. Грудь под рубахой поднималась сама, без его воли, ровно и жадно. Ни один из этих живых не обернулся ему вслед: он пах солнцем, пылью и хлебом, как все.

Бордель нашёлся сам, как находят все такие места: фонарь над дверью, ставни, за которыми ходил женский смех, и запах дешёвых духов поверх браги. В дверях стоял исполин, плечи в притолоку, во рту недоставало половины зубов.

— Хочешь войти, показывай кошель.

Джек посмотрел ему на шею, где под кожей ходили толстые жилы, и послушал, как стучит живое сердце. От этого стука в нём поднялась жадность, какой лич за собой не знал. Он поднял руку и тронул исполина в грудь указательным пальцем.

Взгляд исполина остекленел. Губы ещё договаривали слово, а самого его в дверях уже не стало: стоял холодный столб и смотрел в пустой переулок. Джек обошёл его и толкнул дверь. За дверью пахло телом, вином и воском, и всё это было живое.

Он пришёл не за утехами. Но тело у него было молодое и жадное до всего, и с этим ещё предстояло договориться.

За дверью был зал, как все такие залы: свечи в чашах, зеркала в потёках, вино на низких столиках, женщины в шёлке, разложенные по диванам. Слева, из-за портьеры, уже шли охранники, четверо, с дубинами и тесаками.

Джек вытянул из-под плаща штырь в метр длиной, шестигранный, с рукоятью, где сидели череп и кости. Мифрил тускло взялся инеем. Первый замер, не дойдя шага: мороз прошёл по нему разом, от груди к пяткам, и оставил столбом. Двоим Джек проткнул сердце, а третьему штырь вошёл в глаз и вышел из затылка. Тело у него было молодое, злое, и рука не дрогнула ни разу.

В дальней комнате, за тяжёлой портьерой, за столом сидел Дарел. Левой руки у него не было, под глазами лежали синяки, и он смотрел на дверь так, как смотрят на счёт за чужой ужин.

— Ты думал, так просто отделаешься за то, что продал меня Тролляй чуме?

— Кто ты? — спросил Дарел и отставил чашку.

Джек посмотрел на него сверху, как смотрят на вещь, которую ещё рано выбрасывать. Пустой левый рукав лежал у Дарела на столе, рядом с чашкой, и вид у рукава был такой же помятый, как у хозяина.

— Уже не важно. Хотя с тобой я поступлю иначе: у тебя остались те особенные камни. И устройство, что я дал тебе для распознавания, тоже.

Дарел зашипел и рванул из-под стола меч, единственной рукой, какая у него была. Джек не глядя метнул штырь. Тот прошёл ему в кисть и прибил ладонь к стене, по самую рукоять с черепом.

Меч звякнул об пол и откатился к портьеру. Дарел не крикнул. Он только медленно, как сквозь воду, перевёл глаза на свою кисть, которую мороз уже прихватывал у ногтей.

Джек обошёл стол, поправил плед на кресле и сел, положив ногу на ногу, как садятся в собственной гостиной. Кресло было хозяйское, мягкое, и пахло духами и табаком.

— Не переживай, я тебя не убью. Мне нужны твои связи, а не твоя кровь.

Дарел молчал и смотрел на штырь, которым была прибита его кисть. По запястью, обходя мороз, сползала тёмная струйка.

— Я мог бы договориться мирно. Но так ты сразу поймёшь, кто тут теперь главный. Ты ведь понял.

Джек широко улыбнулся. Улыбка вышла немного кривой и довольной, и оттого особенно страшной: тысячу лет у него не было губ, чтобы так улыбаться.

— Да, босс, — сказал Дарел.

Кисть его так и осталась прибитой к стене.

В зале было пусто: мел на полу, обгорелые круги у стены и запах гари, который тут не выветривался никогда.

— Ты совсем не стараешься! — Лизель ударила Грида в плечо. Кулак отскочил, как от мешка с песком, и она потрясла пальцами.

— Неправда, — сказал Грид. — Просто не выходит. Я представляю огненный шар, метая его в тролля, а огненного шара не вижу.

Лизель закрыла глаза рукой.

— Ты думаешь о том, каким он вылетит. Надо представлять путь: как жар поднимается по руке, как ладонь собирает его в горсть, как воздух перед ней трещит и уступает. Результат придёт сам.

Грид посмотрел на свою ладонь, такую широченную, что на ней поместилась бы её голова. Мозоли, шрамы, ни одной подсказки.

— И сколько раз это надо представить, чтобы вышло?

— Тысячу, — сказала Лизель. — И ещё тысячу.

Грид протяжно вздохнул.

— Всё-таки с топором проще.

— Отойдём от шара, — Лизель встала напротив и упёрла руки в бока. — Сделай своё обычное пламя. То, которым ты разводишь костёр. Совсем маленькое, как умеешь.

Он повёл ладонью, и над ней встал язычок с ноготь, ровный и послушный, как сотни раз до этого.

— Хорошо. Теперь не плети новое: держи это и подливай в него ману, понемногу, как воду в чан.

Грид послушался. Язычок вздрогнул, потянулся вверх, раздался в кулак, и от него пошло тепло ему в лицо. Он обрадовался и подлил ещё.

Пламя ударило в потолок, лизнуло балку и опалило ему бровь. Лизель охнула, накрыла его ладонь своей, и по руке прошёл мороз.

— Ещё раз? — спросил Грид.

— Ещё раз, — вздохнула она. — И держи лицо подальше.

— Тогда так, — Лизель отступила на шаг. — Вливай ману и задавай форму. Не обязательно шар. И представь, что ты где-то, где тебе хорошо.

Грид закрыл глаза. Озеро пришло само: доски причала, тёплые под ногами, поплавок у камыша, Ёкс боком к солнцу, и тишина такая, что слышно, как вода лижет сваи. Он вливал ману и держал этот вечер.

— Грид, — сказала Лизель тихо. — Открой глаза.

Над его ладонью висела рыба. Из жара и света, но рыба: надутые бока, хвост, плавники, и с носа уже капало на пол. Пламя не жгло ему руку.

Лизель готова была поклясться, что рыба шевельнула хвостом и приоткрыла рот.

— Клюёт, — улыбнулся Грид.

— Это уже успех, — Лизель вытерла ладони о штаны. — Тем более для первого дня. Попробуй то же с водой и льдом. И с землёй, и с ветром.

Вода пошла сразу: Грид свёл её из воздуха в ладонь, и над рукой встал шар, мутный, тяжёлый, с каплей на боку. Лёд тоже: шар стянулся, взялся гранями и зазвенел. С этим он жил годами.

Потом он взялся за землю. Мел под сапогами треснул, вздулся и встал дыбом, как шерсть на загровке. Лизель отступила и подняла руки. Ветер вышел ещё хуже: он рванул из его ладоней разом и понёс по залу пыль, обрывки мела и подол её юбки.

— Понятно, — сказала Лизель, вытирая лицо. — Сила есть. С формой будем работать долго.

— Ты полдня жёг ману, — Лизель подошла и взяла его за руку, будто искала пульс. — Как себя чувствуешь?

— Всё отлично. Я не устал.

Она подержала его ладонь, потом отпустила.

— Странно. Ты ведь раньше только базовое колдовство и применял: огонь, воду. Запас у тебя не должен быть велик.

— Может, потому что я большой, — сказал Грид.

— А ты в учёные маги не думал податься? — Лизель фыркнула, нагнулась и принялась собирать с полу обломки мела. Ветер разнёс их по всему залу, до самой двери. — С такой логикой тебя там ждут.

Грид пожал плечами. Ответа у него не было, а гадать он не любил. Особенно о себе.

Лизель ушла в кладовую и вернулась с прибором: стеклянный шар на медной ножке, а по стеклу шли деления, как на мерной кружке.

— Держи. Не тряси.

Грид взял шар. Тот налился синим, снизу доверху, до самой верхней метки.

— Ерунда какая-то, — сказала Лизель. Она отняла шар, встряхнула его, посмотрела на просвет и вернула обратно ему в ладонь. — Ещё раз.

Шар опять налился полным, до края.

— Ты полдня жёг и лил, — Лизель села на скамью, не сводя глаз с синего стекла. — И у тебя полная мана. Как будто ты только вошёл в зал.

Грид пожал плечами и поставил шар обратно на полку, как ставят посуду после ужина. Шутки в ней больше не было.

— Давай так, — Лизель сняла шар с полки и сунула ему в левую руку. — Сделай огонь, чуть побольше факельного. И всё время лей в него ману. Посмотрим на расход.

Грид кивнул. В правой у него встало пламя в полторы ладони, ровное, гудящее, и по стенам зала пошли живые тени.

Синее в шаре стояло на верхней метке, немного опускалось и тут же поднималось.

Грид подержал огонь ещё немного, потом сжал кулак. Пламя умерло разом, и по залу потемнело.

— Это просто немыслимо, — Лизель встала и пошла по залу, забыв про мел под ногами. — У тебя невозможно быстрый манореген. Даже у Тилдорфа и близко такого нет: он над одним экспериментом сидит полдня, потому что после двух плетений ему нужно перевести дух.

Грид посмотрел на свою правую ладонь, где только что горело.

— И что с того?

— А то, — Лизель остановилась и поглядела на него в упор, — что обычная школа тебе не подойдёт. Тебя надо учить не как человека.

Грид подумал и кивнул. Человеком его в Ревгаре давно никто не звал.

— Зато можно не сдерживаться, — сказал Грид.

— Ты хоть понимаешь, что если пожелаешь, станешь архимагом в кратчайшие сроки? — Лизель обернулась к нему. — Через год тебя позовут в столицу. Тебя это должно радовать, а ты стоишь, как над ценой на капусту.

— Мне не нужен ранг, — сказал Грид. — После того боя я две недели лежал у Криса. Мне надо, чтобы в следующий раз меня спасал не случай.

Лизель долго смотрела на него, потом нагнулась и подняла с пола обломок мела, который ветер занёс к самой двери.

— Ладно, — сказала она. — Тогда начнём с нудного. С каналов. Каждый день, пока не надоест.

— С таким восстановлением о запасе вообще можно не думать, — Лизель отряхнула ладони о штаны. — Да и каналы ты с такой скоростью расширишь легко. Через месяц сам будешь смеяться над сегодняшним огнём.

Грид посмотрел на свои руки: ни следа, ни волдыря, будто и не держал в них пламени.

— А с чего начинать?

— С малого и каждый день, — сказала она. — Завтра в то же время. И возьми топор: опробуем ещё кое-что.

— Топор? — спросил Грид.

— Твой как раз подходит для вливания маны, — сказала Лизель. — Рукоять у него мифриловая. Мифрил держит ману лучше любого металла, без него и зачарование половины не стоит.

— Мифрил там на легкость, — сказал Грид. — Мне так делали.

— Значит, мастера твои не зря ели свой хлеб. — Лизель взялась за дверь. — Слова тоже подберём, к каждому делу свой заговор. Завтра в то же время и с топором.

Грид посмотрел на свои пустые руки.

— Не понял, — сказал он. — Но принесу.

Топор он любил вернее, чем людей. Рукоять знала его ладонь, топорище знало замах.

Гвен стояла у входа в гильдию магов, привалившись плечом к стене, и постукивала носком сапога по нижней ступеньке.

— Как успехи? — спросил Грид, подходя.

— Пока никак, — усмехнулась она. — Но небольшой дымок у меня получился.

— Дымок уже что-то.

— Из ушей у наставника, — уточнила Гвен и первой пошла к воротам.

Грид двинулся рядом, и она приноровилась к его шагу: короткий шаг в два её.

— А у тебя? — спросила она, не поднимая глаз.

— Рыбу сделал.

— Рыбу?

— Из огня. Лизель сказала, хорошая.

Гвен засмеялась и пошла быстрее, чтобы он не видел лица.

— Вчера забыл тебе кое-что отдать, — сказал Грид. — Дома лежит.

— Что это? — поинтересовалась Гвен.

— Увидишь.

Она посмотрела на него искоса: когда Грид решал молчать, слова из него было не вытянуть и клещами.

— Большое?

— Не маленькое.

— Тяжёлое?

— Мягкое.

Дальше Гвен косилась на него всю дорогу и глядела под ноги. Должно быть, уже перебирала в уме всё мягкое, что видела у него в доме, и молчала так старательно, что он едва не сдался. Сдаваться он не умел.

За воротами пахло водой и рыбой. Озеро лежало внизу, а окна дома горели тёплым.

В доме пахло печью и жареным луком. Навстречу выскочила Флио и спряталась за Ёкса, который вышел следом, весь из себя важный.

Грид поднялся наверх и вернулся с небольшим свёртком. Он развернул его прямо на столе, и в кухне разом стемнело: шкура медведя-девианта отливала чёрным с проседью.

— Это тебе, — сказал Грид. — От Биора. Он расстарался.

Она надела. Плащ пришёлся ей по плечу, ворс лёг глубоко, и Ёкс подошёл обнюхать шкуру: пахло зверем, которого он не знал.

— Тепло, — сказала Гвен наконец.

— Поблагодари старика при случае, — сказал Грид.

— Обязательно, — сказала Гвен и погладила мех. Ворс лёг под ладонью густо и тепло, а на плечах плащ оказался лёгким, хотя с виду тянул на целого медведя. Она повела плечами: шкура села и пошла с ней, как своя.

Они стояли друг против друга в одинаковых чёрных шкурах с проседью. Гвен только теперь это заметила; Грид, кажется, заметил раньше и, как всегда, промолчал.

— К столу! — крикнула из кухни Мария.

Флио побежала первой и по дороге обернулась: посмотреть ещё раз на седину в меху. Ёкс пошёл за ней. Гвен шла последней, в новом плаще, и за ужином снимать его не стала.

После ужина Грид вышел во двор. Фрэд был там, где и каждый вечер: у вкопанного столба, с копьём и баклером, которые Грид сам ему и дал. Он бил коротко, по-мужицки, и не пропускал ради работы ни одного вечера.

Грид постоял, глядя, как ходит его рука, как баклер закрывает грудь.

— Фрэд.

Тот опустил копьё и вытер лоб рукавом.

— В гильдию пойдёшь? — спросил Грид. — В авантюристы.

Фрэд долго молчал. За его спиной светились окна кухни, там Мария домывала посуду, и спала Флио.

— Я не предлагаю тебе ходить на опасные задания, — сказал Грид. — Но я вижу, с какой страстью ты взялся за копьё.

Фрэд поглядел на копьё в своей руке, будто впервые заметил, сколько в нём веса.

— Не староват я для приключений? Мне ведь сорок.

Грид рассмеялся. Смех у него был короткий и хриплый, и слышали его в этом доме нечасто.

— Слышал бы тебя старик Диен, — сказал он. — Тот в восемьдесят три ходил на огров и обижался, когда его оставляли дома.

Фрэд хмыкнул и потёр ладонь о штанину.

— Может, и не поздно, — сказал он.

— Не поздно, — согласился Грид и пошёл к дому. За спиной у него копьё стукнуло по столбу ещё раз.

Грид остановился у крыльца и обернулся.

— Завтра ходим в гильдию, — сказал он. Потом помолчал. — И ещё кое-что сделаем.

— Что? — спросил Фрэд.

— Утром.

Он поднялся на крыльцо. В доме уже спали: Флио в своей комнате, Ёкс на лавке у кухни, и только Гвен всё сидела у окна в новом плаще и смотрела на озеро.

Грид проснулся, когда серый свет только взялся за окно, и зевнул так, что хрустнуло в челюсти. Под рукой у него лежало тёплое мягкое ухо. Он, не открывая глаз, почесал за ним: привычка старая, как сам Ёкс.

Ухо дёрнулось, повело в сторону и насторожилось. Грид почесал ещё, и оно не стало возражать.

В дальнем конце комнаты встал Ёкс, потянулся, зевнул и поглядел на хозяина с явным укором: сам, мол, разбирайся.

Грид открыл глаза и посмотрел туда, где лежала его рука. Потом посмотрел ещё раз. Мысли у него спросонья ворочались медленно и неохотно.

— Минутку, — сказал он вслух. — А это кто?

Грид приподнялся на локте и посмотрел.

Рядом с его рукой лежала Гвен. Она спала, или очень старалась, чтобы это выглядело так: глаза прикрыты, дыхание ровное, а уши стояли торчком, и одно подрагивало само по себе.

Грид ухмыльнулся в бороду.

— Спишь?

Гвен не ответила и стала дышать ещё ровнее.

Он тихонько провёл пальцами у неё под рёбрами, там, где щеотно всегда.

Она дёрнулась, стиснула губы, фыркнула носом и снова сделала вид, что спит.

Тогда Грид запустил пальцы глубже, и Гвен сдалась: засмеялась, скрутилась и стала отбиваться локтями.

— Пусти! — выдохнула она. — Грид!

Он отпустил. Гвен отползла к краю постели, отдышалась и поглядела на него с таким видом, будто ничего и не было.

— Я вообще-то сплю, — сказала она.

— Ты почто Ёкса выгнала? — усмехнулся он. — У тебя и комната своя есть.

— Не выгоняла. Он сам ушёл, — сказала Гвен, не поднимая глаз. — У него совесть есть. Ёкс в углу зевнул так, что стало ясно: совести у него нет.

— А пришла зачем?

Гвен задумалась. Врать она не умела совсем, и по лицу было видно, как ходят слова, одно за другим, и ни одно не годится.

— В новом плаще холодно, — сказала она наконец.

— В медвежьей шкуре?

— Да, — кивнула Гвен с полной серьёзностью.

Грид не стал спрашивать дальше. Врала она так, что жалко было мешать.

— В гильдию со мной пойдёшь, — сказал он, вставая. — Фрэд записывается.

— Пойду, — сказала Гвен, и стало видно, что спать ей больше не хочется.

В гильдии с утра пахло мокрым сукном и чернилами. За стойкой сидела Кети, спина прямая, перо наготове, и при виде Грида подобралась ещё выше, чем была.

— Доброе утро.

— Доброе, — Кети кивнула так строго, будто объявляла цену на отруби. С Гвен она поздоровалась, а на Фрэда посмотрела вопросительно.

Фрэд держал копьё обеими руками и переминался с ноги на ногу.

— Вот привёл новобранца, — сказал Грид. — Фрэд. Хочет в искатели.

Кети достала чистый лист и обмакнула перо.

— Возраст?

Фрэд открыл рот и ничего не сказал.

— Сорок, — ответил за него Грид. — Ранга нет. Будет.

Кети писала ровно, не поднимая глаз.

— Опыт боевой?

— Домашний, — сказал Фрэд.

— Это тоже опыт, — сказала Кети и подвинула ему лист. — Имя пишите сами. Печатными.

Кети приняла лист, пробежала его глазами и переписала в большую книгу, ровно, без помарок. Потом закрутила чернильницу и встала.

— Теперь проверим навыки, — сказала она и повела их в соседнюю комнату. На столе под стеклянным колпаком лежал шар: тёмный, мутный, в медной оправе.

Фрэд вошёл за ней и остановился у порога.

— Руки опустите, — сказала Кети. — Шар сам посмотрит.

Фрэд поглядел на Грида, будто спрашивал разрешения. Грид кивнул, и Гвен, стоявшая рядом, тоже кивнула, только быстрее.

Тогда Фрэд подошёл, подышал на ладони, вытер их о штаны и положил обе на стекло. Шар под его пальцами потяжелел и стал наливаясь светом.

Кети наклонилась ближе.

— У вас особый навык, — сказала Кети, глядя в шар.

— У меня? — не понял Фрэд.

— Укол вепря. Редкая штука: бьёшь копьём один раз, зато насквозь.

Кети достала перо и записала это в книгу.

Фрэд посмотрел на свои ладони, будто впервые их увидел.

— Такое обычно называют вслух, — сказала Кети. — Но вас, я так понимаю, никто не учил.

Грид у двери ухмыльнулся.

— Я видел, — сказал он. — Позавчера копьё ушло в столб по древко.

— Тогда почему вчера я пять раз промахнулся? — спросил Фрэд.

— Потому что имя не назвали, — сказала Кети.

Кети снова села за стол, провела в книге ещё две строки и достала из ящика тонкую пластинку.

— Поздравляю, — сказала она и протянула её Фрэду. — Теперь вы авантюрист деревянного ранга.

На пластинке сами собой проступили его имя, Ревгар и слово «дерево».

Фрэд взял её обеими руками, как берут то, что может треснуть. Гвен заглянула ему через плечо.

— Дерево первый ранг, — сказала Кети. — Все с него начинали. — Она глянула на Грида. — Некоторые дошли и до адамантита.

Фрэд спрятал карточку за пазуху, поближе к сердцу.

— Ну что, — сказал Грид. — Один новобранец есть. Теперь и отряд записать не грех.

— Ты и отряд? — Кети округлила глаза. — Ты же не хотел. Ни создавать, ни вступать. Сколько тебе предлагали, всех ты отправил восвояси.

— Это было раньше.

— Раньше, — повторила она недоверчиво и всё же потянулась за чистым листом.

Фрэд смотрел на Грида, ничего не понимая.

— А что, у меня одного теперь отряд? — спросил он.

— У нас, — сказал Грид.

Гвен, которая до этого молчала, посмотрела на него и отошла к окну, чтобы не было видно лица.

Кети обмакнула перо.

— Хорошо. Название?

Грид поглядел на своих: на Гвен у окна, на Фрэда с его копьём. Название надо было придумать с ходу, а придумывать с ходу он не умел.

Грид поглядел на свой плащ, потом на плащ Гвен: две чёрные шкуры с сединой, одна к одной.

— Тебе тоже плащ купим, — сказал он Фрэду.

Фрэд не понял, при чём тут плащ, и на всякий случай кивнул.

Грид повернулся к стойке.

— Медвежья лапа.

Кети без удивления вывела это в книге: названия ей попадались и поглупее.

— Медвежья лапа, — повторила она и посыпала запись песком. — Готово.

Фрэд хотел спросить, почему лапа, но посмотрел на двух медведей в плащах и передумал.

Лавка Лизы начиналась прямо от порога: с потолка свисали пучки трав и связки крючков, на полках теснились шкатулки, сапоги и чашки, а в углу стояло чучело птицы с удивлённым клювом.

— Грид! — Лиза поднялась из-за прилавка. — Сто лет тебя не видела.

— Нужен пространственный мешок, — сказал он. — И плащ из медвежьей шкуры.

Лиза прищурилась.

— Мешок есть, с прошлого лета лежит, никто не берёт: дорогой. — Она вытащила из-под прилавка серый мешочек. — А плащ...

Она ушла в подсобку и вернулась, волоча на плече шкуру.

— И плащ нашёлся, — сказала она и сама удивилась. — Как ни странно.

Фрэд глянул на Грида, потом на мешочек, потом опять на Грида.

— Берём, — сказал Грид.

У Биора было по-обычному: жар от горна, гул, вода в чане. Хельга кивнула им от второго горна и вернулась к работе.

— Кольчугу бы, — сказал Грид. — Со стальными вставками. И меч. Одноручный.

— Кому? — Биор поглядел на Фрэда.

— Ему. Копьё у него есть, а в узком месте копьём не развернёшься.

Кузнец ушёл в глубь кузни и вернулся с двумя свёртками. Кольчуга легла на Фрэда сверху рубахи, сталь на груди и плечах заблестела; Биор ходил вокруг, дёргал ремни и ворчал, что все они одинаковые, как жерди.

Меч оказался коротким и тяжёлым, с простой рукоятью.

— Не так держишь, — сказал Грид и переложил его пальцы.

— Тяжёлый, — сказал Фрэд.

— Привыкнешь.

— Спасибо за плащ, дядя Биор, — сказала Гвен.

Кузнец замер с молотом в руке и ничего не ответил.

Хельга от второго горна поглядела на деда и улыбнулась.

— Чего ты, дед?

— Ничего, — буркнул Биор и повернулся к горну, будто там у него было дело. — Жарко тут.

Он подул на угли, которые и без того горели ровно.

— Носи на здоровье, — сказал он наконец, глядя не на Гвен, а на огонь.

— Он у нас такой, — сказала Хельга Гвен. — Деловой.

Грид у двери ухмыльнулся: за столько лет он не слышал, чтобы кузнеца называли дядей.

Дома Грид снова поднялся вверх и вернулся с плоским свёртком.

Он развернул его на столе. Светлая кость, широкие пластины, кривые гоблинские знаки по краю.

— Костяной щит короля гоблинов, — сказал Грид. — Держит пять ударов, любых, хоть топором. На шестом рассыпается и повисает на ремнях. Потом собирается сам.

— Сам? — переспросил Фрэд.

— Сам. Сколько на это уходит времени, не знаю, ни разу не считал.

Он отдал щит Фрэду — тот взял и охнул: тяжелее, чем выглядит.

— Бери. Как защита последнего шанса сгодится.

— А где ты его взял? — спросил Фрэд.

— У короля гоблинов, — сказал Грид. — Ему он больше не нужен.

Фрэд осторожно надел щит на руку. Ремень сел по предплечью, будто его там и ждали.

— Ну что, отметим? — улыбнулся Грид.

— Что отмечать? — не понял Фрэд.

— Тебя, — сказал Грид. — И лапу.

Мария услышала это от печи и уже вытирала руки о полотенце. Через минуту на столе стояли жареная рыба, хлеб, горшок с кашей и кувшин вина, который она берегла с весны.

Флио побежала за Ёксом, хотя звать его было не надо: тигр уже сидел под столом.

Грид налил всем, даже Гвен, по половине, и поднял кружку.

— За Медвежью лапу.

Флио забралась отцу на колени и потребовала карточку. Фрэд достал её из-за пазухи и держал так, чтобы видели все.

Глава 2. Теперь учитель.

Южные ворота стояли открытыми, и дорога уходила на полдень: сперва пыльная, между огородами, потом ниже, в сырую тень ольшаника. Гвен шла первой, ставя ногу с носка, как учил её лес. Фрэд держался за ней: в новой кольчуге, с копьём на плече, мечом на боку и костяным щитом за спиной, будто собрался на войну, а не туда, куда пускают деревянных.

— Так и пойдёшь?

— А как надо?

— Тише. Тут слушают раньше, чем смотрят.

Он кивнул и подобрал ногу. Кольчуга всё равно звенела.

— И копьё не жалей, — сказала Гвен. — Увидишь зверя, назови удар вслух.

— Вслух?

— Вслух, — сказала она. — Иначе не сработает. Меня так же учили.

Не так давно Гвен шла этой дорогой впервые: за спиной оставался город, за пазухой лежала угольная карточка, и в голове было одно: лишь бы выйти обратно. Тогда она держалась за чужой шаг. Теперь шли за её.

Спуск прошли молча: ступени, потом низкий ход, где пахло землёй и холодом. Гвен остановилась и повела подбородком влево: у стены, в тени, копошилось что-то бурое. Две крысы, каждая с собаку, грызли кость и уже разворачивались на звук.

— Твоя, — сказала Гвен. — Я за тобой.

Фрэд выставил баклер и пошёл, забыв про тишину. Крысы кинулись разом, низко, по земле. Тетива щёлкнула у него за плечом: одна замерла на бегу, прибитая к земле, и дёрнула хвостом.

Вторая кинулась. Фрэд шагнул навстречу и назвал удар вслух, как велели:

— Укол вепря!

Копьё вошло легко, почти без веса. Крыса дёрнулась на древке и обмякла.

Он перевёл дух и поглядел на Гвен: ждал, что скажет.

— Хорошо, — сказала она. — Только называй заранее, а не когда она уже в воздухе.

Крысы шли ещё дважды, и оба раза Гвен брала первую на себя: снимала её стрелой и оставляла ему вторую. К третьей стычке Фрэд уже не забывал называть удар, и копьё слушалось его ровнее.

А потом ход вывел их в зал пошире, где на полу лежали кости и трава пробивалась сквозь камень. У дальней стены сидел кролик. Белый, с чёрными кончиками ушей, не больше кошки, и он не убежал.

Гвен остановила Фрэда рукой.

— Стой. Это кролик убийца, — сказала она тише обычного. — Я на такого первый раз и нарвалась. Пустила две стрелы: одна ушла в камень, другая в стену, а он уже сидел у меня на плече.

— И что делать?

— Не отвлекаться, — сказала Гвен. — Он очень шустрый.

Кролик сорвался с места без разбега, будто его дёрнули за нитку. Фрэд успел только повернуть баклер, и зверь ударил в него, как камень из пращи. Руку отбросило, но щит удержал: когти скрежетнули по железу, и кролик отлетел на шаг.

— Держи его! — крикнула Гвен, натягивая лук.

Она не выстрелила: боялась задеть.

Фрэд шагнул и ударил коротко, без замаха, снизу вверх, как учил его двор: копьё вошло под ребро и вышло из спины. Кролик дёрнулся на древке, лягнул воздух и обвис белой тряпкой.

Фрэд опустил копьё и поглядел на зверя, потом на Гвен.

— Я думала, будет хуже, — сказала она и убрала стрелу в колчан. — Ты как его успел-то?
— Сам не знаю, — сказал Фрэд.

Ярусы считались по меткам на стене: угольная черта, вторая, третья. На втором стало темнее, на третьем ход опять пошёл вниз, и на камне под ногами выступила вода. Гвен вела, оглядываясь на Фрэда всё реже.

— Дальше я не ходила, — призналась она на четвёртом.

На пятом пахло зверем. Волк вышел из ниши, серый, в холке по грудь Фрэду, глаза с искрой. Он не бросился: встал и пошёл вокруг, будто читал их по шагам.

Фрэд упёр древко в камень и выставил баклер. Под кольчугой по спине прошёл холод, но руки не дрогнули.

Гвен подняла лук и шепнула, почти не шевеля губами:

— Ты удержи. Я добыю.

Волк прыгнул без замаха: только что стоял и читал шаги, а вот уже висел на баклере, вцепившись зубами в железный край. Фрэда повело, сапоги заскользили по мокрому камню. Он упёрся, вывернул левую руку и правой выхватил меч.

Короткий клинок вошёл зверю под брюхо и прошёл вдоль, на всю ладонь. Волк мотнул головой; из-под баклера плеснуло тёмным.

Стрела прилетела в тот же миг и вошла волку в глаз по самое оперение. Волк разжал зубы, осел на передние лапы и рухнул на бок, дёрнув хвостом по камню.

Фрэд отошёл на шаг, опустил меч и вытер лицо рукавом. Грудь ходила тяжело, шумно, и он всё-таки улыбнулся.

— Удержал, — сказал он.

Гвен подошла, выдернула стрелу и поглядела на кровь у него на рукаве.

— Молодец, — согласилась она.

— Молодец, — сказала Гвен и присела над волком. Ножом она вскрыла шкуру под ребром, порывалась в тёплом и достала камень: мокрый, с ладонь, ещё горячий нутром. Вытерла его о траву, завернула в тряпицу и убрала в сумку.

— А это что? — спросил Фрэд.

— Камень, — сказала она. — Всё, что от него останется. Покажешь его в гильдии, там и заплатят.

Она поднялась и оглядела его: кольчуга в крови, волосы мокрые, лицо довольное.

— На сегодня хватит, — сказала Гвен. — Пошли обратно. Десять таких выходов без провала, и тебе дадут уголь.

Обратный путь шли медленно, и Фрэд всё оглядывался, будто волк мог подняться следом. У южных ворот уже синело.

Домой вернулись после обеда, и уже от ворот было слышно, что в доме кто-то возится. В гостиной Грид лежал на полу, подперев голову кулаком, и дёргал за верёвочку: на конце ходил, как живой, обрезок медвежьей шкуры. Ёкс лежал в двух шагах, весь собранный, и следил за ним обоими глазами.

Верёвочка мотнулась вбок. Тигр прыгнул так, что под лапами взвизгнули доски, прижал тряпку к полу и заворчал от восторга.

— Ты чего? — спросил Грид, не вставая.

— Мы с пятого яруса, — сказала Гвен.

Грид поглядел на кровь на кольчуге Фрэда, на его довольное лицо, и не стал спрашивать больше.

— Ёкс, — позвал он, — иди сюда, зверь.

Тигр, забыв про всякое достоинство, растянулся на боку и подставил живот.

— Как он тебе? — спросил Грид, кивнув на Фрэда.

Фрэд ушёл к Марии, в кухню, и скоро оттуда запахло жареным.

Гвен повела ушами и опустила их.

— Получше меня в первый раз, — сказала она. — Я тогда пустила в кролика две стрелы, и обе не туда.

— Не грусти, — усмехнулся Грид и подтянул к себе Ёкса за шкуру на загривке. — Это даже хорошо. Товарищ способный, значит, вдвоём будете меньше бегать.

— Я не грущу, — сказала Гвен слишком быстро.

— С него копьё сойдёт скорее, чем с тебя лук, — добавил Грид, не глядя на неё. — Учи его тому, чего сама наелась.

Грид посмотрел на неё, и глаза у него стали хитрые, как у мальчишки.

— Хочешь на рыбалку?

— Сейчас? — Гвен растерялась. Она ждала другого: что он начнёт спрашивать про ярусы, что скажет, где она рано расслабилась. — Хочу.

— Ну тогда идём. — Он встал и потянулся так, что хрустнуло в плечах. — Тут в полукилометре хорошее место под вечерку. Карась там берёт так, что удилище держишь двумя руками.

Гвен засмеялась и пошла за ним, на ходу прикидывая, брать ли плащ. В сенях, у связки крючков, Грид выбрал два удилища: своё и второе, короткое.

— А это чьё? — спросила она.

— Твоё, — сказал Грид и вышел на двор.

Грид снял со стены удочки, достал из мешка жестянку с червями и краюху, завернутую в тряпицу, и сунул всё это Гвен в руки.

— Наживка и еда на тебе, — сказал он.

Шли берегом, камыш хрустел под сапогами.

— Я тебе удилище давно смастерил, — сказал он на ходу. — Как своё, только в твой размер. Древко зачаровано на прочность и на легкость, леска тоже на прочность.

— А крючки? — спросила Гвен.

Грид помолчал: вспомнилось, как хохотал Биор, принимая заказ, и как после этого долго посматривал на него, будто ждал, что тот передумает.

— Адамантит, — сказал он наконец.

Гвен остановилась и поглядела на удилище у себя в руке.

— Ты сделал его раньше, чем я попросила.

— Тащи не бойся, — сказал Грид. — Пару муртаков разом выдержит.

— Ну конечно сделал, — сказал Грид и переложил удилище на плечо. — Я рыбалку люблю, а живу у озера. Тут хочешь не хочешь приобщишься.

— Я и не против.

— А я и не настаиваю. Это моё, личное, — сказал он. — Кто не хочет, того не заставляю.

Гвен улыбнулась.

— Я люблю рыбалку, — сказала она. — Это у кошачьих в крови.

Она сказала это так серьёзно, что Грид фыркнул, и они засмеялись вместе: коротко, негромко, как смеются люди, которым нечего делить.

Дальше шли молча. Озеро уже отдавало вечерним: вода потемнела, камыш по краю стоял чёрный. Грид свернул к узкой косе, где под берегом лежала коряга.

— Вот тут. Карась на закате идёт к коряге, — сказал он и начал разматывать леску.

Закинули. Грузило легло тихо, поплавок встал у самого камыша, красной бусиной на чёрной воде. Грид сел на корягу, упёр локти в колени и замер.

— Главное, не торопись, — сказал он негромко. — Подсекать будешь в трёх случаях: если поплавок поведёт в сторону, если уйдёт под воду целиком и если вылезет наверх весь, до киля.

— А если просто дёрнется?

— Тогда он тебя проверяет. Кусать будет после.

Гвен кивнула и взяла удилище, как берут лук: свободно, но без зазора. Поплавок стоял. В камыше кто-то чавкнул и смолк, будто и сам не рад.

— И ещё, — сказал Грид. — Не смотри в воду. Смотри на поплавок.

— Мне и надо смотреть, — сказала она. — Я по воде следы читаю.

Поплавок дрогнул, и вместе с ним дрогнула вода у берега: в двух шагах от косы вспучилось, пошло кругами, и из-под воды показалась голова. Мокрая, лобастая, с редкой бородкой из водорослей.

— Ты сегодня не один, — сказал Муртдин.

Голос у него был тихий и сиплый, как вода в камыше. Под ним ходила тяжёлая тень, и разок по воде хлопнул хвост.

Гвен дёрнулась было к луку, но удилище из рук не выпустила.

— Свои, — сказал Грид. — Муртдин. Живёт тут с семьёй, за мысом.

— Здравствуй, — сказала Гвен.

Муртдин поглядел на неё из воды одними глазами и хмыкнул.

— Кошколюда. Рыбу, небось, чувствуешь издалека?

— Конечно, — согласилась она.

— Тогда нам делить нечего, — Муртдин подгрёб ближе. — Ты на берегу, я в воде, у каждого своя половина.

— Я вам кого-нибудь пригоню, — сказал Муртдин, — а то просидите впустую.

Он ушёл под воду без всплеска, только круги пошли, и тень под берегом потянулась в глубину.

— Он всегда такой? — спросила Гвен.

— Какой?

— Что сперва торгуется, а потом сам же помогает.

Грид усмехнулся и подтянул леску.

— Я с ним сразу познакомился, как сюда переехал. Пришёл вечером с удочкой, а он уже сидит у камыша, будто ждал. С тех пор и болтаем. Места рыбные показывает: половину здешних коряг я от него знаю.

— И что он за это просит?

— Разное, — сказал Грид. — Как-то раз просил вина бутыл, и если спросят не было мол ничего.

Гвен тихо засмеялась и вернулась глазами к поплавку.

Джек сидел за столом и водил пальцем над мифриловой пластиной. По металлу одна за другой проступали руны, брались инеем и гасли, оставляя тонкий след. Свеча рядом горела ровно и не грела.

Дарел стоял у двери и смотрел не на его руки, а на спину: так было проще. Кисть у него была замотана, и он её не бередил.

— Мне нужны бойцы, — сказал Джек, не поднимая головы. — Настоящие. Серебро и выше.

Дарел подумал.

— Клич кинуть можно. Только денег они просят немерено.

— Деньги не проблема, — Джек усмехнулся, и руны под его пальцами взялись ровной коркой льда. — За свою долгую жизнь я скопил довольно презренного металла. Даже ты обрадуешься.

Дарел не спросил, сколько это, долгая жизнь. Он уже понял, что лучше не спрашивать.

— Цель — Грид, — сказал Джек. — Мне он нужен живым. Если не выйдет, хотя бы тело.

Дарел открыл глаза.

— Не высокогато ты замахнулся? Он чудище. Он моих ребят перебьёт голыми руками и не вспотеет.

— Знаю.

— Тогда что с меня?

Джек отложил пластину и посмотрел на него впервые за вечер.

— Я обрисовываю тебе цель. Средства — моя забота.

Дарел молчал. Смотреть на Джека было так же неловко, как когда-то на Тролля Чуму, сидевшего напротив.

Он проглотил это и сказал:

— Как скажешь, босс.

— У Грида есть передо мной небольшой должок, — сказал Дарел. — Как минимум я могу попросить его об услуге: вычистить бандитов или монстров в нужном месте и в нужное время.

— И он придёт? — спросил Джек, не поднимая глаз от пластины.

— Придёт, — Дарел усмехнулся одним углом рта. — Тролля Чума на такие просьбы не спрашивает, кто просит. Ему бы только знать, где и когда бить.

— Звать его отсюда нельзя, — добавил он, помолчав. — Через гильдию: бумага, печать, награда. Никто и не подумает.

Джек отложил пластину. Руны на мифриле лежали ровно и тонко, будто выведенные по линейке, и не таяли.

— И за что же у него перед тобой должок? — спросил Джек.

— За то, что продал тебя ему, — сказал Дарел. — Точнее, сдал наши точки, где принимали необычные камни. С тех пор он и остался мне должен.

Джек усмехнулся.

— Ну конечно. Неожиданная польза от твоего предательства.

Свеча на столе дрогнула. Дарел смотрел на его улыбку, а она у него шла в одну сторону, и глаза при этом стояли.

— Подойди.

Дарел сделал шаг, потом другой. Холод в комнате стянулся к столу, и пробитая штырём кисть заныла под бинтом. В двух шагах от Джека он остановился и стал ждать, что будет дальше.

Джек взял его за кулю, без усилия поднял обмотанный рукав и прислонил к ней руку. Мифриловую, тонкую, от плеча до самых пальцев.

Дарел не успел отшатнуться. Металл притянулся сам, будто в нём ждали пустоту его формы, и сел как надо: без ремней, без завязок и без боли. От плеча к костям прошло холодом.

— Что это? — спросил он шёпотом.

Пальцы шевельнулись, и он их не звал. Потом рука поднялась, разогнулась, сжалась в кулак, и в ней отозвался вес, какого не было в живой.

Джек отпустил его и вернулся к столу.

— Так ты станешь полезнее, — сказал он. — И грознее.

Дарел сжал и разжал кулак. По мифрилу пробежали ниточки инея, тонкие, как по стеклу, а на пол упала капля.

— Спасибо, — сказал он заворожённо.

— Пользуйся, — Джек уже смотрел в свои руны. — Для работы рука берёт ману сама, и немного. Восстанавливаться будешь быстрее, чем раньше. А если вольёшь в неё свою и коснёшься живого, сработает морозное касание.

Дарел поглядел на новую кисть: пять пальцев, ни шва, ни заклёпки, по металлу шла ровная холодная сыпь.

Он поднял руку и тронул ею край стола. Дерево взялось белым, чашка на нём дёрнулась и поехала, и по столешнице с сухим треском прошла первая трещина.

— Наигрался? — спросил Джек.

Джек поглядел на него.

— Найди мне хотя бы пять хороших воинов. Или магов. Чем они берут, мне всё равно, лишь бы делали молча.

— Пять найду, — Дарел прикинул в уме. — Может, и семь.

— Пять, — повторил Джек и развернул на столе карту. Старая, в потёках воска, с обтрёпанным краем, она легла поверх трещины.

Палец у него остановился там, где две границы подходили близко: земля Белгара, а сразу за ней Ревгар.

— Вот тут. Отправь разведку. Двое, не больше, и чтобы не болтали.

Дарел наклонился и запомнил изгиб реки, лес и пустое место между ними.

— А что там?

— Пока ничего, — сказал Джек.

— И ещё кое-что, — сказал Джек. — Найди и купи мне сто слитков адамантия.

Дарел перестал разглядывать кисть и поднял глаза.

— Сто? Да его по граммам берут. Сто слитков — это все шахты Ревгара за год, — сказал он. — И то если весь металл пустить мимо гильдии.

— Меня не интересует, откуда он пойдёт.

— А зачем столько?

— Узнаешь, — сказал Джек и снова склонился над пластиной. Иней под его пальцем пошёл кругами. — Золота хватит. Это твоя работа, не моя.

— И как я его возьму? По слиткам не продают.

— Включи голову, — сказал Джек. — По штукам — сколько угодно. Украшения, доспехи, оружие, пряжки, что угодно. Всё, где есть адамантий, тащи сюда.

Дарел поморщился: в Ревгаре адамантий был знаком достатка, и с такими вещами расстаются неохотно.

— Тогда брать придётся не в одном месте и не одним лицом, — сказал он. — Пойду через перекупщиков: один заказ, другой, третий. Иначе о нас заговорят.

— Пусть заговорят, — сказал Джек. — К тому времени будет поздно.

Он поднял пластину и повернул её на свет.

Глава 3. Снова в деле.

Месяц прошёл быстро: утром зал гильдии магов, днём двор и топор, вечером озеро. Гвен к концу срока сворачивала в ладони воду, брала её льдом и разжигала огонь со второго раза. Наставник перестал заслоняться от неё локтем, и дым пошёл из камина, а не из ушей.

Грид швырнул с ладони огненный шар, и тот лопнул в стену, оставив на мелу чёрный круг. Ледяная глыба прошла следом и засела в трещине. Потом он влил ману в рукоять Черепкола, и топориче взялось инеем от обуха до лезвия.

— Шедевр, — сказала Лизель. — Мифрил держит твою ману, как кувшин воду. Ни одна рукоять так не умеет.

— Биор делал.

— Значит, вас двое. Шар, глыба и клинок в двух стихиях за месяц. Иному на это два года.

В гильдию он пришёл к обеду. За стойкой пахло мокрым сукном и чернилами, Кети подняла голову и потянулась за книгой.

— Мне нужно задание, — сказал Грид.

Кети раскрыла книгу на закладке.

— Алхимики просят когти пламенного медведя, — сказала она. — Четыре, целых.

— Где?

— Лавовые дебри, — сказала Кети. — На востоке, за рекой.

Грид хмыкнул: он давно там не был. Всё тролли.

— Пламенный медведь не медведь, — сказала Кети. — Он больше тонны и кидает огонь.

— Огнём там никого не проймёшь.

— Знаю, — сказал Грид. — Лёд у меня теперь тоже есть.

Кети поглядела на него и не стала спорить.

— Записываю?

— Пиши.

Он кивнул и пошёл к двери. Зверь лютый, ну и пусть: месяц в зале и во дворе не бой. Самое то.

К дебрям он дошёл быстро: восточный тракт тянулся вдоль реки, а дальше пошла каменистая осыпь, где ни телеге, ни лошади не пройти.

Вход нашёлся сам. Из трещины в скале тянуло тёплым, камень у её края порос рыжим, будто ржавчиной, и оттуда несло серой и гарью.

Грид сел на плоский валун и принялся за снаряжение. Ремни держали, фляга стояла под рукой. Топор он вынул последним, провёл большим пальцем по лезвию и повесил на спину.

Из трещины шло ровное тепло, как от открытой печи. Грид надвинул шлем, ещё раз дернул ремни и шагнул внутрь.

За поворотом ход расширился, и навстречу из темноты вышли три гончие: рыжие, ростом с телёнка, по шкуре шли огненные прожилки, как угли под пеплом.

Передняя открыла пасть, и в глотке у неё собрался огонь. Шар пошёл Гриду в грудь; он пригнулся к самому полу, и жар прошёл над шлемом, ударив в камень за спиной.

Тогда он побежал на них, широко расставив руки. Первую накрыл ладонями, как накрывают комара: под пальцами хрустнуло, и тварь осела на пол. Вторую он поймал за шкуру на загривке, крутнулся и швырнул в третью. Собаки покатались по камню, взвизгнули и затихли.

Грид выпрямился и отряхнул ладони.

За ярусом ход шёл вниз, и жар рос. Саламандры пошли кучно, по пять разом: длинные, метра по три, с огнём под кожей. Грид на них и топора не вынимал, пинал, как пинают брехучих псов у чужого двора, и те отлетали к стене, оставляя на камне обугленные полосы.

А потом из бокового хода потянуло дымом. Дым шёл низом, стлался по полу и не таял под потолком, и в нём ходили тени. Десять дымных волков вышли разом, и у Грида впервые за день стянуло под кольчугой.

Он снял с плеча Черепок и влил в рукоять ману. По лезвию пошёл белый пар. Волки прынули со всех сторон, и он закружился на месте, разводя топор кровавой мельницей.

За следующим залом открылось озеро. Вода стояла чёрная, по ней ходили круги, будто снизу дышало, и над берегом висел пар.

В двух шагах от камня прошла тень, длиной с бревно. Потом вторая. Лавовые щуки ходили вдоль кромки, как в собственном пруду, и одна повернулась боком: красно-оранжевая, чешуя с ладонь.

Грид присел на корточки. Топор тут был ни к чему. Он снял мешок, порылся и достал леску с крючком, привязал грузило из обломка камня да насадил полоску вяленого мяса. Вышла закидушка.

— Интересно, а их вообще жрать можно? — сказал он вслух и закинул.

Вот и проверим, только и успел подумать Грид, как леску потянуло.

Он подсек коротко, мягко, как учил себя самого, и в ответ вода встала на дыбы. Щука вышла свечой: красно-оранжевая, вся в брызгах, длинная, как весло, и ушла обратно так, что у берега плеснуло на камень.

Грид не тянул. Когда её вело в сторону, он стравливал; когда она сдавала, подбирал. Леска резала ладонь, а он того и не замечал.

Боролись долго. Под конец щука вышла на мелкое, легла на бок и ударила хвостом так, что вода пошла через край. Грид взял её двумя руками под жабры и выволок на камень.

Два метра, не меньше. Он сел рядом и ахнул: такого улова не припомнил.

Он вытер ладони о штаны, взял щуку за хвост и сунул её в мешок. Мешок принял рыбину так же равнодушно, как когда-то принимал тролли клыки и камни монстров, и снова обвис на боку.

За озером ход сузился и опять пошёл вниз. Метки на стене он считал по дороге: третья, четвёртая, пятая.

Под сапогами вскоре пошёл чёрный спекшийся камень, и на нём отпечатались следы. Грид присел и приложил к одному ладонь: след был шире его ладони, а когти прошли по камню бороздами, как по воску.

Он встал, поправил топор на спине и пошёл по ним.

След вывел его в просторный зал, где воздух стоял сухой и жгучий. Грид задержался за выступом и заглянул внутрь.

Посередине, на чёрном камне, лежала огненная обезьяна: рыжая, с руками толще его бедра, и ещё шевелилась. Над ней стоял медведь.

Он был красен, как остывающая окалина, и от шкуры его шло тепло, от которого сохло в горле. Медведь поднялся на дыбы, стал выше Грида на голову и ещё на одну, обрушил лапу вниз, и обезьяна затихла. Тогда он задрал морду и заревел; с потолка посыпалась мелкая крошка.

Грид поглядел на его передние лапы. Когти были длиной с ладонь, целые.

Он дождался, пока рёв докатится до стен, и вышел из-за выступа.

Грид размял плечи и взмахнул топором, раз и другой. С лезвия пошла испарина, и по топорищу побежал иней, тонкий, как соль.

Медведь глядел на него и не двигался. Потом открыл пасть, и в ней собрался огонь: шар вышел оттуда, большой, с тележное колесо, и пошёл Гриду в грудь.

Грид поставил топор на ребро и рассек его надвое. Половинки разошлись по сторонам и погасли о камни.

С лезвия шёл белый дымок. Грид поглядел на него и подумал, что теперь можно и ответить.

Сперва тяжесть в ладони, потом холод по рукаву: вода стянулась в горсть и взялась гранями, как учила Лизель. Глыба вышла крупнее той, что он вгонял в стену зала.

Он шагнул вперёд и швырнул её в медведя.

Глыба ударила медведя в плечо и рассыпалась. Он мотнул головой, отступил на полшага и заревел уже на него; ледяная крошка повисла на шкуре, тут жестаяла и пошла паром вверх.

Больше ничего и не случилось. По красной шерсти прошла белая полоса шириной в ладонь, и только. Грид поглядел на неё и понял всё сам: против такой твари его колдовство пока что комариный укус.

Он глянул на правую ладонь, где только что лежал холод, и усмехнулся.

— Ничего, — сказал он. — Научимся.

А сечь эту тварь придётся железом. Грид перехватил Черепок обеими руками и пошёл навстречу.

Медведь ударил первым, широко и низко. Грид шагнул под лапу и поставил топор ребром над собой; лапа прошла по лезвию, как по маслу, и упала на камень. Она ещё дёргалась, когда медведь заревел.

Грид крутнулся и резанул по задней лапе, под самое бедро. Медведя повело, он начал заваливаться, и в этом падении Грид ударил ещё раз: сверху вниз, в голову, по самую рукоять.

Медведь рухнул уже мёртвым. Топор торчал у него в черепе, из-под него натекло тёмное. Грид постоял над тушей, вытер лицо рукавом и поглядел на передние лапы: когти были целы.

Грид вынул из-за пояса нож и взялся за лапы. Когти сидели крепко, и он резал их не спеша, один за другим, по пять с каждой лапы. Каждый вышел длиной в ладонь, чёрный у корня и жёлтый к концу.

Он разложил их на камне и пересчитал.

— Двадцать, — сказал он. — Надеюсь, они не против, что я притащу больше четырёх.

Когти он завернул в тряпицу и сунул в мешок, к щуке. Топор выдернул из черепа, обтёр о шкуру и повесил на спину.

Обратно шёл быстрее: спуск он помнил, а вверх всегда легче, когда за спиной добыча. У озера щуки ходили вдоль кромки так же спокойно, и ни одна не повернулась в его сторону.

Из трещины он выбрался вскоре после полуночи: обе луны стояли высоко, и дорога была видна, как днём. От скал Грид отошёл на километр, к реке, и там обустроил лагерь: набрал сушняка, развёл небольшой огонь и повесил над ним котелок.

Пока вода шла, он достал из мешка хлеб и копчёное мясо и нарезал на бутерброды. В котелок пошла щепоть мяты.

Огонь горел ровно, ветра не было, а дымка над рекой поднялась сама и потянулась к костру, будто её тянули за нитку. Грид не обернулся: он знал, кто ходит по привалам.

— Давно не виделись, Грид, — сказал он и сел напротив, подобрав плащ. — Ты снова в строю.

— Решил пройтись по подземелью, — сказал Грид.

— Вижу. — Гость повёл головой, будто принимавался. — По мане ты подкачался. Ещё немного, и можно будет приступать к некротическим ритуалам.

Грид отставил кружку.

— Я этим не занимаюсь.

— Пока, — согласился гость. — И не знаешь, что уже готов.

— Ты за этим пришёл?

— Я пришёл погреться, — сказал он. — А сказалось само.

Огонь щёлкнул и выбросил искру. Грид смотрел на него и молчал: спорить с этим гостем было всё равно что спорить с водой.

Гость этот был не прост, и Грид узнал это давно. Он появлялся там, где Гриду приходилось хуже всего.

Гвен он сберёг от смерти, и как — Грид до сих пор не знал.

Потом были подсказки про лича, когда ни одной нитки не осталось и все следы уходили в тупик.

А в последней битве он шепнул ему слово, и в груди у Грида поднялось такое, чего он сам в себе не знал. Без этого слова он бы не вышел, а после две недели лежал у Криса.

Такие долги не забываются. Оттого лишних вопросов к ночному гостю у Грида не водилось.

Он глотнул чаю и стал ждать, что тот скажет дальше.

— Сперва подтяну магию, — сказал Грид. — Некротикой займусь потом.

Он вынул из-за пазухи пластину: тонкая, серая, без единого знака, та самая, что оставил ему посланник зиккурата. Он положил её на камень между собой и гостем.

Тот не взял её в руки. Он только поглядел на неё, и дымка под плащом у него пошла ровнее, будто он придержал дыхание.

— Значит, взял.

— Взял.

— И ману в неё ещё не лил?

— Нет.

— И не лей пока, — сказал гость помолчав. — Придут быстро. Сперва будь готов к учёбе.

Гость помолчал ещё и сказал:

— Лича ты победил. Этого у тебя никто не отнимет.

Грид поднял на него глаза.

— Но дело его живо, — сказал гость. — Наследие осталось, и в земле оно не лежит.

— Где?

— Больше мне сказать нельзя. — Он развёл ладонями, будто показывал пустые руки. — Тебе и этого пока хватит.

Огонь сел, угли взялись серым. Гость подобрал под себя плащ.

— Будь осторожен, Грид. И становись сильнее.

Дымка вокруг него поднялась выше плеч и он исчез.

Утром Грид сдал когти. Кети пересчитала их дважды и всё равно записала двадцать.

В зале гильдии магов пахло мелом и гарью. Лизель выслушала его вопрос про сложные плетения и села на скамью.

— Тут всё посложнее. Каждый колдует по-своему. — Она повела рукой по воздуху, где ничего не было. — Ты видел десяток огненных шаров и думаешь, что они одинаковые. Они похожи. А внутри у каждого свой.

— Как это?

— Ты представляешь жар в ладони, а я собираю лёд и грею его до огня. Наружу выходит шар, одного вида, а держится он на разном. Свою рыбу помнишь?

— Помню.

— Ты сделал карася, потому что думал про озеро. Так будет и со всем остальным.

— Значит, готовых плетений мне не дадут.

— Их и нет. Придумывать придётся самому.

— Тогда попробуй иначе, — сказала Лизель. — Представь место, где тебе хорошо. Не плетение, а место. И держи его, пока не потянет. К чему потянет, то и твоё.

Грид закрыл глаза. Причал пришёл сам: доски, тёплые под ногами, поплавок у камыша, Ёкс боком к солнцу. Потом на берегу взялся костёр.

Он шёл ровно, дышал и не жёг. Грид смотрел в него, и время внутри будто замедлялось: каждая искра успевала подняться отдельно, каждая ветка прогорала на глазах. От этого огня не тянуло отвести взгляд.

Ману он подливал в него, как подкладывал дрова, негусто, и она шла легко, будто в знакомую посуду.

— Колдуй, — сказала Лизель.

Грид открыл глаза и повёл ладонью.

Огонь встал над его ладонью без треска, и языки пошли вверх медленно, как трава под водой. Грид подержал его и не почувствовал жара.

Лизель шагнула ближе и протянула руку. На ладони у неё была свежая царапина, след от щепки, и она про неё давно забыла.

Грид поднёс пламя к её пальцам. Лизель не отшатнулась. Огонь лёг на кожу, не тронув ни волоска, и царапина под ним стянулась, пошла розовым и пропала.

Лизель отняла руку и повернула её к свету. Потерла большим пальцем место, где только что была ранка. Кожа была целая.

— Этого не может быть, — сказала она шёпотом. Потом подняла на него глаза, и в них было не восхищение, а испуг. — Ты понимаешь, что ты сделал? Это целительный огонь. Такое редкость, по пальцам одной руки можно пересчитать обладателей.

Грид сжал кулак, и огонь умер. В зале опять стало серо.

Лизель ещё раз поглядела на свою ладонь, потом на него, и улыбнулась тепло, как улыбаются своим.

— Боюсь, — сказала она, — что не мне тебя учить. Это тебе уже меня учить надо.

— Не выдумывай.

— Я не выдумываю. Ты понял принцип: место, тепло, своя форма. Дальше можешь идти сам, без наставника.

Она сказала это легко, а глаза отвела первой.

Грид посмотрел на свою руку, где только что лежал огонь.

— Совсем сам?

— Совсем. — Лизель встала и отряхнула штаны. — Я тебе больше не нужна.

— Нужна, — сказал Грид. — Кто-то же должен говорить, что я делаю не так.

Она засмеялась и пошла к двери.

Грид посидел на скамье, глядя на пустые ладони, потом встал и поднял с пола топор.

Дверь в зал ударилась о стену.

— Покажи! — Тилдорф стоял на пороге, полы мантии в стороны, волосы дыбом.

— Чего?

— Огонь. Мне уже донесли, что тут был огонь, который лечит. — Он подошёл быстрым шагом, будто боялся, что всё уже кончилось. — Колдуй. Ну?

Грид вздохнул, поднял ладонь и выпустил его.

Пламя встало мягко, языки пошли вверх медленно и ровно. Тилдорф наклонился к нему так близко, что едва не окунулся в него.

— Тише ты, — сказал Грид.

Эльф не отодвинулся. Он смотрел на огонь, и по лицу у него было видно, что все его лекции и опыты разом перестали иметь значение.

Тилдорф выпрямился и поглядел на него, будто видел впервые.

— И двух месяцев не прошло, — сказал он. — Двух! Ты помнишь, с чего начинал?

— С рыбы.

— С рыбы, — эльф махнул рукой. — А теперь огонь, который лечит. За такое любой целитель отдал бы полжизни.

Грид не знал, куда себя деть. В бою у него находился ответ на всё, а здесь он стоял и держал в ладони пламя, как свечку.

— Мне бы это не в зале, — сказал он. — Мне бы это там, где режут.

— Туда и придёшь. Сперва научись его не гасить на бегу. — Тилдорф уже шёл к двери. — И про меня не забудь: это ты мне покажешь ещё раз, и с записями.

— Ты снова был с Лизель, — сказала Гвен резко и тут же осеклась, будто прикусила язык.

Грид остановился.

— Был. Учились.

— Ага. — Она отвернулась и пошла к воротам, и по походке было видно, что говорит она не то, что думает.

Грид пошёл рядом. В чужие дела он не лез: спросить умел коротко, а тут и короткого не находилось.

— И что выучил? — спросила Гвен уже ровнее.

— Много.

— Покажешь?

— Покажу.

— Показывай, — сказала Гвен.

— Неа, — Грид усмехнулся и пошёл дальше.

Гвен догнала его в два шага.

— Как это «неа»?

— А вот так. Дома покажу.

— Тут что, хуже дома? — она обвела рукой улицу: телега, лужа, вывески гильдий.

— Хуже.

Она открыла рот, чтобы сказать ещё что-нибудь, и закрыла. Спорить с ним, когда он был в таком настроении, выходило всё равно что толкать стену.

Остаток дороги Гвен косилась на него и молчала, и только хвост у неё выдавал всё, что она об этом думала.

Дома пахло жареным луком, и все были на кухне. Грид поставил топор у двери и поднял ладонь.

— Смотрите.

Пламя встало мягко, языки пошли медленно и не жгли. Флио охнула и спряталась за Марию. Ёкс поднял голову, понюхал воздух и уронил её обратно: если хозяин спокоен, значит, и бояться нечего.

— Теперь я не только воин, — сказал Грид. — Я ещё и целитель.

— Ты? — Мария вытерла руки о полотенце и подошла ближе.

— Он самый.

Она поглядела на огонь, потом на Флио.

— Флио, покажи коленку.

Девочка задрала штанину, и ссадина под огнём пошла розовым и стянулась. Мария долго молчала, а потом сказала только:

— Иди руки мой, ужин стынет.

Фрэд хмыкнул и покачал головой. Гвен у печи улыбалась во весь рот.

Грид постоял с поднятой ладонью, потом сжал кулак, и огонь погас.

— Ладно, — сказал он.

Он и правда опешил. В гильдии магов на этот огонь смотрели как на чудо, а дома коленку помазали и позвали к столу.

Гвен уже откровенно ржала, уткнувшись лицом в плечо.

— Ты чего?

— Ничего, — выдавила она. — Ты сказал это как будто купил новые крючки.

— А как надо было?

Гвен заржала ещё громче. Мария поставила на стол горшок и поглядела на них обоих, но ничего не сказала, только подвинула Флио тарелку.

Грид сел к столу и взялся за ложку.

Джек стоял на коленях в старой каменоломне под городом, и перед ним лежала куча добра: слитки, обручи, кольца, обломки доспеха, пряжки, кинжалы с инкрустацией. Дарел собирал это по кускам, через трёх перекупщиков, и всё-таки собрал.

Мел крошился под пальцами, и Джек ловил себя на том, что ему это нравится: тысячу лет под его ногтями не собиралось живой грязи.

Пентаграмму он уже замкнул. Теперь шла октограмма: линия, угол, ещё линия, всё тоньше и точнее, чем выходило когда-либо. Руки молодого эльфа стыли от холода, штырь с черепом лежал рядом, под рукой.

Ритуал он знал наизусть. Беда была в другом: некротики здесь не водилось вовсе, ни зик-курата, ни склепа, ни свежей бойни. Её придётся принести, и это было труднее всей остальной работы.

Мел лёг последней чертой. Джек выпрямился и размял пальцы; под обрывом, в старой яме, куда когда-то сбрасывали падаль и безымянных мертвецов, стояла тонкая жилка некротики, мутная и жидкая.

Он потянул. Тянул не спеша, как тянут нитку из клубка: через ладонь, через плечо, до самых кончиков пальцев. Штырь под рукой взялся инеем и работе не мешал.

Первые нити он положил на мел. Линии приняли их, и формула пошла зелёным, мёртвым, ровным светом: пентаграмма, за ней октограмма, угол за углом.

Он тянул ещё и ещё, пока внутри не стянуло от холода.

И у него получилось.

Джек выдохнул и засмеялся так, как умеют только те, кто был мёртв и вернулся.

Джек отряхнул ладони и сел на камень, вытянув ноги.

— Теперь всё выйдет, — сказал он. — Остались мера и время.

Он поглядел на кучу: слитки, обручи, обломки доспеха, кольца, пряжки, всё, чем Дарел скупил полгорода. Металл лежал мёртво и тускло.

— А теперь мне нужен слуга, — сказал Джек. — Верный и безмолвный.

Живых он наелся: они болтают, торгуются, боятся и всё время думают о себе. А этот не спросит ни о чём и не уйдёт.

Он положил ладонь на ближний слиток, и по куче, от края до края, прошла тонкая сыпь инея.

Глава 4. Зиккурат.

Грид сидел во дворе, на колоде, где колот дрова, и держал в ладонях пластину. Тонкая, серая, без единого знака, она была холодна сама по себе, а не от ветра. Гильдейская карточка под рукой отвечала зелёным светом и зовом; эта молчала с того дня, как легла ему в ладонь. И всё же жила: он чувал её сквозь мозоли, как чуют жилу в породе.

Думал он об одном и том же третий вечер. Посланник сказал коротко: влей ману, и придёт наш посланник. Кто придёт и с чем, Грид не знал, а гость у костра объяснять не стал: не лей, мол. Придут быстро, сперва будь готов к учёбе. Выходило как в бою: срок назначает другой, и латать прореху придётся на ходу. Тролля на тракте был долгом понятным, его можно было взять топором. Тут и имени не называли.

Дверь на крыльце не скрипнула. Гвен умела подойти так, что и Ёкс не повёл ухом.

— Что это? — спросила она через плечо.

— Посланник. Из зиккурата, того, что ближе к Ситгару, — сказал Грид и повернул пластину на ладони. — Оставил и ушёл.

Гвен повела ухом.

— И что в ней?

— Пока ничего. Сказал: влей ману, и придёт наш посланник.

Он сжал пластину в горсти и подлил ману, негусто, как подливал в огонь. Зелёный пошёл ровный и мёртвый, тот самый, каким горело у посланника в глазницах; свет не грел, а стягивал с ладони прохладу. Грид разжал пальцы, и он остался: серая полоска лежала на мозолях и светила.

Ёкс у крыльца поднял голову, поглядел и не подошёл.

Гвен обошла колоду и встала напротив.

— Зачем? — спросила она.

— Затем, что во мне три силы, — сказал Грид. — Дух, мана и некротика. Дух и ману я держу, а некротику во мне видят чужие и говорят, что она сильнее прочих. Сам я её не чувал ни разу.

Гвен села рядом на колоду, поджав под себя ногу, и долго смотрела на зелёный свет у него в ладони.

— А это обязательно? — спросила она.

— Если хочу стать сильнее, то да, — сказал Грид. — В прошлый раз меня вынесло случаем, не мной. Второго такого случая может и не зайти.

Гвен кивнула и закусил губу, будто хотела сказать ещё что-то и передумала.

Просидели они до первых звёзд. Говорили мало: Гвен спрашивала, Грид отвечал, и оба то и дело поглядывали на серую полоску в его горсти, где ровно тлел зелёный, не грея. Потом Гвен ушла к себе, а он до ночи простоял на причале, но леску так и не размотал.

Посланника принёс полдень. Ни ворот не хлопнуло, ни доски не скрипнули; Грид поднял голову от воды и увидел его у калитки. Чёрные одежды закрывали его с головы до пят, ни кисти, ни лица, и плащ лежал тяжело, будто под тканью ничего не было. Ёкс вышел следом на крыльцо, понюхал воздух и сел на месте: не рычал, но и ближе не пошёл.

Грид вытер ладони о штаны и пошёл к калитке. Тот стоял и ждал, не двигаясь, и во дворе стало слышно, как ходит вода под причалом.

— Нам нужно в зиккурат, — сказал посланник. Голос из-под ткани шёл ровный и глухой, будто говорили не ртом, а чем-то под ним. — Великий лич желает говорить с тобой. Собирай всё, что нужно.

Грид поглядел на чёрную фигуру, потом на свои руки.

— Лич, — сказал он. — Одного я уже победил. Гляжу, дело вернулось.

Посланник не двинулся и не ответил: то ли не понял, то ли считал разговор исчерпанным.

— Когда идти?

— Как соберёшься.

За спиной у Грида скрипнула дверь, и на крыльце встала Гвен. Лук она держала в руке, тетиву не натягивала. Ёкс обошёл её и улёгся между хозяином и калиткой, глядя на гостя без всякого добра.

В доме он пробыл недолго. Вышел в кольчуге, в кожаных накладках и сапогах, плащ лёг на плечи сам, топор встал за спину. Глухой шлем он нёс в руке.

В окне кухни, прижавшись лицом к стеклу, стояла Флио.

— Гвен, — позвал Грид.

Она обернулась, и он сказал негромко:

— Если через неделю не вернусь, иди к Дирку. Скажи как есть.

Гвен не ответила. Лук она переложила из руки в руку, будто искала ему работу.

— В этом нет нужды, — сказал посланник. — Мы не желаем тебе вреда.

Грид дёрнул ремень на груди, проверил, как сидит за спиной топор, и толкнул калитку.

Шли до самой ночи. Посланник шагал ровно и не сбился ни разу, будто не шёл, а переставлялся; Грид приноравливался к его шагу, и на вопросы ему отвечали по два слова: где, мол, увидишь, а далеко ли, мол, не близко.

Лагерь он поставил на опушке. Набрал сушняка, развёл небольшой огонь, повесил над ним котелок и бросил туда щепоть трав. Хлеб и копчёное мясо вышли из мешка следом.

Посланник к огню не подошёл. Он встал у ближнего ствола и не двинулся больше.

— Отдыхай, — сказал он. — Мёртвым сон не нужен. Разбужу, если потребуется.

— Мёртвым не нужен, — согласился Грид.

Он доел, подгрёб угли поближе, положил топор под локоть и лёг, накрывшись плащом. Спал он чутко, одним ухом наружу, и сон пришёл к нему не сразу.

К стенам они подошли на следующий день к вечеру. Грид заметил их издалека: не камень, а сплошное чёрное, тёсанное в четыре ладони, ни мха на нём, ни щели, будто клали вчера. Над стеной стояла такая тишина, что слышно было, как у него под кольчугой ходит дыхание.

Ворота распахнулись сами, без скрипа и без засова.

За ними стояли четверо в долгих тёмных одеждах, колдун подле колдуна, и при каждом голем, по пояс Гриду, из чёрного камня, с копьём в руке. В груди у каждого под тонкой щелью тускло светился камень.

Посланник не сбавил шагу.

— Его ждёт великий лич, — сказал он. Никто из четверых не двинулся с места.

Грид прошёл между големами, заглянув каждому в грудь, где светился камень. Топор он снимать не стал.

Город начинался сразу за воротами. Грид ступил на его улицу и понял первое: здесь ничем не пахло, ни дымом, ни едой, ни водой. Камень под сапогами лежал гладко, как стол.

Нежить шла мимо, и её было много. Все в долгих одеждах с капюшонами, руки в перчатках, ни лица, ни пятна кожи. На него они поворачивались и смотрели не в глаза, а ниже, в грудь, будто читали там написанное.

Дома по обе стороны походили на коробки, вырубленные из цельного камня, без крылец и почти без окон. А посередине города вставала пирамида. Ступень, другая, третья, всё выше и уже, и лестница по её боку вела наверх, к плоской вершине.

Наверху была ровная площадка, и посередине её лежал бассейн. В нём стояло зелёное, ровное, как у пластины, только гуще: вещество шло по кругу медленно, будто дышало, и воздух над ним стоял недвижно.

У бассейна стоял он. Кисти рук были без кожи, одни кости, и череп голый, а поверх лба сидел тонкий венец. Мифрил Грид узнавал с одного взгляда: на рукояти его топора тот же металл лежал под ладонью каждый день.

Он не двинулся и не сказал ни слова. Только череп медленно повернулся к гостю, и венец взял на себя зелёный свет бассейна, а пустые глазницы загорелись зелёным.

Посланник поклонился, коротко и ровно, как кланяются званию, а не человеку.

— Как приказывали, верховный.

— Да, оставь нас.

Слова отозвались от скелета сухо и тихо, будто говорил не он, а воздух над бассейном. Посланник повернулся и пошёл вниз по ступеням, и шагов его Грид не услышал.

Тогда скелет двинулся к нему. Шёл он не спеша, без единого лишнего движения, и остановился в двух шагах, ближе, чем Грид обычно подпускал кого бы то ни было. Зелёный свет бассейна лежал у него на венце, а глазницы горели ровно, не мигая.

Грид не отступил. Рука у него сама легла на топориче, и убирать её он не стал.

Скелет смотрел на него долго, не отводя глазниц, и Грид успел переступить с ноги на ногу.

— Значит, всё-таки это возможно, — отозвался он наконец. — Даже меня можно удивить.

— Магия у меня есть, — сказал Грид. — Дух тоже. Третьей не умею, и что с ней делать, не знаю. Из-за неё и пришёл.

Верховный не шевельнулся; зелёный в глазницах держался ровно, как в бассейне за его спиной. Грид смотрел в ответ и не спешил. Ждать он умел: в засаде на тракте, на ступенях у чужой двери, у поплавок на своём озере.

Верховный повёл рукой, коротко, как отгоняют муху. Камень у края площадки пошёл волной, поднялся и сел на место столом и двумя стульями: серые, гладкие, без единого шва.

— Присядем, — сказал он. — Живым нужно отдыхать.

Грид поглядел на стул, потом на верховного, потом снова на стул. Такого колдовства он не видел ни в зале у Лизель, ни у Тилдорфа: там плетение росло из рук и держалось на воле колдуна, а тут камень встал сам и стоял.

Топор он снял со спины и поставил у ноги, лезвием к себе. Стул принял его без скрипа и не качнулся.

Верховный сел напротив, и в венце у него качнулся зелёный свет.

— Меня зовут Ураш Гул, Любящий смерть, — сказал скелет. — Я правлю этим местом.

— Грид, — ответил он. — В Ревгаре зовут Троллей чумой.

— Слышал.

Верховный чуть склонил череп, и венец у него блеснул по краю.

— Ты закончил нежизнь моего побратима.

Зелёный в глазницах не дрогнул, и в голосе не прибавилось ни тяжести, ни злобы: он говорил это так же ровно, как про отдых живых.

Грид не отвёл глаз и не стал искать слов. Виноватым он себя не считал, а оправдываться было не за что.

— За это я вознагражу отдельно, — сказал верховный. — Ты пришёл за некротическими ритуалами. Это проще, чем ты думаешь. Но сперва придётся разобраться с твоим телом.

Грид не стал спрашивать, чем именно вознаградит: за такое он платы не ждал.

— Дух и мана в тебе живут дружно и ходят ровно, как полная вода. Оттого некротику глушит тело, глушит и разум. Она лежит в тебе без ответа.

Грид поглядел на свои ладони. Те же мозоли, те же шрамы. Тридцать лет она жила в нём и ни разу себя не показала.

— И что нужно, чтобы она ответила?

— Об этом и разговор, — сказал верховный.

— Окунись в источник. — Верховный указал костяной рукой за спину, на бассейн. — Но есть и трудность: как отзовётся живой, я не знаю. Так посвящают мёртвых. Выбор твой.

Грид встал. Стул под ним не скрипнул.

Он подошёл к бассейну и постоял над ним, глядя, как зелёное ходит по кругу, ровно и неспешно, будто дышит. Дна не было видно.

— Оставь топор, — сказал верховный. — Я выграввирую на нём ритуал пожирания. Он станет отнимать у врага часть одной из сил и отдавать её тебе.

Грид снял Черепок со спины и подержал его на ладонях. Два метра адамантия и мифрила, полсотни весу, целое состояние и работа нескольких мастеров; этим топором он выжиг троллей на всех трактах вокруг Ревгара. Отдавать его чужому скелету не хотелось так, как не хотелось отдавать ничего.

Он положил топор на камень, плашмя, обухом вниз, рукоятью к хозяину, как кладут оружие на стол, когда пришли говорить, а не драться.

— Только верни, — сказал Грид.

— Мне он без надобности, — сказал верховный. — Ступай и не торопись. Я умею ждать.

Грид оставил топор на камне и обернулся к бассейну. Спрашивать ни про срок, ни про то, что будет, если он не выйдет, он не стал: на такие вопросы в бою не отвечают.

Первый шаг вышел коротким. Сапог вошёл в зелёное без плеска, и оно пошло вверх по коже, густое, как масло. Звук из мира пропал сразу, будто уши заложило.

И в тот же миг под кольчугой, в самой середине груди, что-то шевельнулось. Не сердце: сердце у него стучало и без того ровно, отсчитывая своё.

Грид остановился в воде по бедро и прислушался к себе, как прислушиваются к чужому шагу в темноте.

Оно отозвалось не холодом. В нём поднялось что-то навстречу, мягко, как чужая ладонь на загривке. Так трогают спящего, чтобы не разбудить. Грид не знал, что с этим делать, и делать не стал.

Он шагнул ещё раз и ушёл под воду с головой. Зелёное сомкнулось над ним без плеска, тяжесть кольчуги потянула вниз, и вслед за ней пропали и свет, и звук.

Очнулся он на берегу. Под щекой лежал мокрый песок, в сапогах хлюпало, а вода шла ему на руки мелкими волнами, будто пробовала на вкус. За камышом лежало озеро, большое и тихое, и ни стен, ни пирамиды поблизости не было.

Как он тут оказался, Грид не помнил. В памяти остались зелёное и то мягкое, что поднялось в груди навстречу.

Он сел и прислушался к себе. Внутри было тихо, ровно так же тихо, как все тридцать лет до этого.

Он сел ровнее и поглядел на воду. Ни ряби, ни волны, озеро стояло зеркалом, и небо лежало на нём целиком, от берега до берега. Только что вода трогала ему руки, и той воды уже не было, будто и не она это была.

Берег вокруг лежал мёртвый: камни, песок, ни травинки, ни кустика, ни следа на песке. Грид поискал глазами хоть чайку над водой, хоть рыбий плеск у кромки, и не нашёл ни того, ни другого. Ветра не было вовсе.

Двадцать лет он выходил с удочкой на своё озеро и знал, чем пахнет живая вода. Здесь не пахло ничем. Он встал, отряхнул песок с ладоней и поглядел вдоль берега: идти было некуда, и всё-таки надо.

Он поднял глаза и увидел, что по берегу идёт к нему девушка.

Ростом она была почти с него, и вся белая, как мел. Шла босиком по камням, не глядя под ноги, и грудь у неё покачивалась на каждом шаге. Волосы лежали на плечах длинные и белые. На шее висело ожерелье из камней, на запястьях браслеты из таких же.

Глаза у неё были чёрные, и Грид впервые за всю дорогу не понял, что перед ним идёт.

Камни он узнал сразу: такие вырезают из-под сердца у зверья, и стоят они дорого. Руки он подобрал, будто на топор, и вспомнил, что топор остался лежать на камне в чужом городе.

— Всё-таки ты добрался до меня, — сказала она. Голос у неё был негромкий, и слова вставали ровно. — Я боялась, что не дойдёшь на своём пути.

Она прошла ещё шаг и остановилась близко, так близко, что Грид увидел, как на белой коже не видно ни единой жилки.

— Хоть какая-то польза от этого дымчатого поганца. А зачем ему это, даже мне неизвестно.

— Кто ты? — спросил Грид.

Она улыбнулась и подняла руку. Пальцы у неё были холодные, как вода в роднике, и легли ему на щеку, на самую щетину.

— Ты ведь знаешь.

Грид не отвёл лица и не ответил. Он искал в ней что-то знакомое и, к своему удивлению, находил: то ли в белых волосах, то ли в том, как она ставила слова, он не понимал.

— Тэка, — сказал Грид и сам замер. Слово вышло раньше, чем он успел его подумать, и откуда оно взялось, он не знал.

Так её звали в храмах, где тело лежит три дня и дожидается, вернут его или нет. Грид бывал в тех храмах множество раз с чужими телами, и выходил оттуда с пустыми руками.

Она улыбнулась.

— Вот видишь, — сказала она, и в чёрных глазах у неё не дрогнуло ничего.

Грид стоял и не двигался. Убрать бы её ладонь со щеки, а не хотелось, и этого он от себя не ждал.

— Много я сказать не могу, — сказала она, и пальцы её со щеки ушли. — Мы с братьями договорились и даровали тебе благословение.

Грид молчал. Боги в его жизни стояли далеко и в дела не мешались; жрец Тэра читал над костром старика Диена, и слова ушли в дым вместе с ним.

— В будущем над миром нависнет угроза, — сказала она. — Мы надеемся, что ты сумеешь с ней справиться.

— Какая?

— Большого я не могу сказать.

Она стояла перед ним голая и белая и говорила про мир так же ровно, как говорят про погоду в чужом городе. За её спиной лежала вода зеркалом, и в зеркале не двигалось ничего.

Грид поглядел на её ожерелье. Камни вырезают из-под сердца у зверья; на белой коже они лежали темно, как провалы.

Она была хороша так, что во рту у него пересохло, и он на себя за это разозлился. Смотреть, кроме неё, было всё равно не на что: песок, камни, зеркальная вода.

— Дашь ли ты мне совет? — спросил Грид.

Тэка не ответила сразу. Она постояла, не двигаясь, и чёрные глаза её смотрели мимо него, будто она слушала что-то своё, далёкое.

— Все зиккураты отныне твои союзники, — сказала она. — Если будет нужда, они выручат.

Грид вспомнил чёрные стены, колдунов в глухих одеждах и големов с камнем в груди, и подумал, что о такой подмоге в Ревгаре лучше молчать.

— Союзники, — сказал он. — Ладно.

Она шагнула к нему вплотную, и от неё не пахло ничем: близость её он чуял кожей, а не носом.

— Надеюсь, мы не скоро увидимся, — сказала она. — Но знай, здесь тебя ждёт радушный приём. Несмотря ни на что.

Он хотел ответить и не успел. Тэка взяла его лицо в обе ладони и поцеловала, губы в губы, крепко и жадно, как целуют после долгой разлуки. Губы у неё были холодные, и от них во рту у него пошло холодом и ещё чем-то, чему он названия не знал.

Грид не оттолкнул её. Ладони его сами легли ей на бёдра, на гладкую кожу, и стоял он так, что под кольчугой у него стучало в горле.

Он не отстранился и не нашёл в себе ни одного довода против.

Грид вынырнул рывком, будто его толкнули снизу, и первым делом поймал ртом воздух. Зелёное стекало с плеч и с рукавов, а вода за спиной у него сомкнулась ровно, как была.

На губах ещё держался лёгкий холод. Он провёл по ним рукой, будто мог стереть.

— Госпожа пришла инициировать тебя лично, — сказал лич. В голосе у него было что-то, чего Грид прежде не слышал, то ли зависть, то ли укор.

Грид выбрался на камень, и с кольчуги натекла целая лужа. Он поглядел на бассейн, ровный и спокойный, как и до него, и ничего не сказал.

— Отныне вся нежить любых зиккуратов тебе союзники, — сказал верховный. Голос его шёл ровно, но в нём взялась тяжесть, какой не было ни в разговоре про отдых, ни в разговоре про побратима. — Мы поможем всем, чем сможем. И если придётся объявить войну всему миру, мы встанем на твою сторону.

Грид поглядел на чёрные кости, на венец, на зелёное за его спиной и подумал, что сказал бы на такое Дирк. Дирк бы ничего не сказал; он бы только посмотрел долго, как смотрят на человека, завёдшего дружбу не с теми.

— Почему так? — спросил Грид.

— Глупый вопрос, — сказал верховный и снова повёл костяной кистью, будто отгонял муху. — Потому что госпожа так сказала. Она обратилась ко мне сама.

Грид помолчал. У него в Ревгаре всякая услуга шла за услугу. Тут платы не спрашивали, и от этого было неуютнее.

— У нас за такое спрашивают цену, — сказал он.

— У нас не спрашивают, — ответил верховный. — Госпожа сказала, и этого довольно.

— Ну, мне особо ничего не нужно, — сказал Грид. — Обучиться бы.

— Не важно, сейчас или через тысячу лет, — ответил верховный. — Приказ госпожи будет верен, пока ты существуешь.

Грид отметил это про себя: выходило, что срок у их союза ровно его собственный и ни днём больше. Об этом он и подумал, а не о войне всему миру, которой его только что пугали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.